

Татьяна Сергеева: «Моя профессия держится на фанатах»

Татьяна Сергеева: «Моя профессия держится на фанатах»

7 сентября – третья годовщина со дня создания Следственного комитета при прокуратуре РФ. В марте этого года руководителем следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Тульской области была назначена старший советник юстиции Татьяна Сергеева. Для Тульской области это первый случай, когда женщина возглавила областное управление правоохранительных органов.

Гореть и не сгореть на работе

— Татьяна Андреевна, вы более десяти лет работали в органах прокуратуры Саратовской области. Скажите: уместно ли вообще говорить о «саратовском стиле следствия», «тульском стиле следствия»?

СПРАВКА МК

Татьяна СЕРГЕЕВА закончила Саратовский юридический институт в 1981 году, работала следователем по особо важным делам в прокуратуре Саратовской области, заместителем руководителя следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Саратовской области. «Московский комсомолец в Туле» стал первым региональным изданием, взявшим интервью у Татьяны Андреевны, которая общалась до этого лишь с федеральной прессой.

— Я бы не стала выделять какие-то стили. Работаем мы по одним кодексам, учимся по одним учебникам — и так по всей стране. Конечно, есть определенные причины и обстоятельства, которые влияют и на специфику работы, и на то, как складывается практика следствия. Например, Саратовская область примечательна тем, что там находится старейший юридический институт, сейчас уже — Академия права. Поэтому город Саратов перенасыщен юристами и есть из кого выбрать. В Туле такого нет — пожалуй, это и есть единственная разница.

— Вы первая женщина в истории Тульской области, занявшая такую должность. Как вы себя ощущаете в качестве руководителя такой «типично мужской» сферы деятельности?

— Конечно, женщине не просто быть руководителем — на ее плечах не только работа, но и семейный быт. Мужчина-руководитель может себе позволить просто прийти с работы домой,

поужинать и пойти отдыхать. Я же — нет. У меня нет домработницы — а обязанности жены и матери никто не отменял. Я сама покупаю продукты, сама готовлю, сама стираю, сама убираюсь в доме. К тому же для женщины занимать такую должность бывает нелегко и в моральном плане. Потому что приходится переносить колоссальные эмоциональные нагрузки, принимать решения, которые часто касаются человеческих судеб. Это непросто — но я хочу сказать, что определенную жизненную закалку я получила, еще когда начала работать следователем, сразу после окончания института. Конечно, в те годы я была не такой, как сейчас. Но если женщина сильна духом — она будет двигаться дальше и в этой профессии.

— Вы всегда хотели быть следователем?

— Когда я заканчивала институт, меня тянуло в уголовный розыск. Возможно, сказался тогдашний юношеский максимализм — насмотрелась фильмов, начиталась книг, во всем ощущалась такая романтика... Но после окончания института я попала по распределению в милицию, на должность следователя. Я проработала на этой должности ровно год — и мне предложили пойти в уголовный розыск, т.к. открылось вакантное место. Но я отказалась, потому что уже поняла, что следовательская работа — это мое призвание.

— По долгу службы вы постоянно сталкиваетесь с человеческим горем — это, наверное, главная психологическая сложность вашей работы. Знаком ли вам «синдром перегорания» и как вы с ним справились?

— «Перегорания» у меня не было, но были самые разнообразные неординарные ситуации, когда приходится выезжать на какие-то совершенно жуткие преступления, которые просто шокируют. Но я утвердилась в мысли — кто-то же должен делать и эту работу. Да, нелегко, тем более что мы занимаемся особой категорией преступлений. Убийства, изнасилования, тяжкие и особо тяжкие преступления — многие такого не выдерживают. Из моего опыта я помню следователей, которые просто не могли работать — отправлялись в командировку, а возвращались, ровным счетом ничего не сделав. Потому что все это время они проплакали вместе с потерпевшей стороной. Ну, это жизнь... А справляться нужно, психологически настраивая себя, — разложить по полочкам все обстоятельства и попытаться в любом, даже самом жутком случае, отыскать какой-то созидательный момент, принять как урок какой-то....

— А сам характер преступлений и их количество изменились за эти годы? Например — за последние десять лет...

— Виды и количество преступлений напрямую коррелируют с тем, в каком состоянии находится общество и страна в целом. Если все благополучно — всплеска преступности, естественно, нет. Если неблагополучно — соответственно, обратно противоположная картина. Например, за эти годы появился так называемый «чеченский синдром» — прямое следствие ведения боевых действий в Чечне. Потому что люди, преступившие однажды свой личный моральный запрет на убийство, часто идут на отчаянные поступки. Для них лишить человека жизни — уже не препятствие и не проблема.

Дело №

— За последние год-два Тулу захлестнула волна громких уголовных дел, в которых в качестве обвиняемых фигурируют высокопоставленные чиновники. О чем говорит такая тенденция? О повышении общего уровня коррупции или же о повышении качества работы следственных органов? Расскажите о том, как продвигается дело экс-главы администрации Тулы.

— Я думаю, здесь все сплелось в одно. Если человек совестливый, воспитан в лучших традициях, то он никогда не позволит себе совершить должностное преступление. Но такая преступность отражает и то, каково состояние общества в целом, каков его моральный климат. Что касается дела Уколова, то могу пока сообщить следующее. Уголовное дело возбуждено, расследование проводится. Конечно, хотелось бы, чтобы оно проводилось быстрее, но семимильными шагами мы не можем здесь идти, потому что процесс доказывания вины человека регламентирован. Дело само по себе, конечно, не простое. Сейчас мы находимся на этапе ожидания окончания экспертных исследований — чтобы дать правильную юридическую оценку действиям Альберта Уколова. А если кто-то говорит, что, дескать, «дело закрыли», то я обычно так шучу по этому поводу. Я прихожу утром на работу, достаю из сейфа уголовное дело и открываю его, вечером — закрываю. На следующее утро — то же самое. Поэтому могу сказать, что расследование продолжается, и мы планомерно приближаемся к финишу, на котором, я надеюсь, будет обвинительный приговор.

— Другая проблема общероссийского масштаба — внутренний кризис российской милиции. Что вы думаете об этом?

— Мне обидно смотреть на то, что стало с милицией. Например, у нас есть ряд уголовных дел в отношении милиционеров — и это прискорбно. Я отработала в милиции 17 календарных лет, и могу сказать, что тогда она была совсем другой. В начале 80-х годов было почетно и престижно там работать — и зарплата была соответствующей, и льготы. Поэтому была возможность отобрать лучших из лучших в кадровом плане. Потом зарплаты упали, уважения стало меньше, люди стали неохотно туда идти... Посмотрим, изменит ли что-то грядущая реформа — надеюсь, она приведет не только к смене названия. Надеюсь, что новоявленный институт полиции будет по-другому подходить к подбору кадров.

— Так называемые «дорожные преступления» — какие вы видите способы борьбы с ними? Возможно, стоило бы ужесточить контроль еще до момента эксплуатации, а не тогда, когда дорога уже построена?

— Это, конечно, абсолютно разумно — жестко контролировать строительство дорог. Для того чтобы мы не работали «по факту», когда все уже совершено и изменить ничего практически невозможно. Я думаю, здесь очень многое зависит от правосознания людей — никто бы не строил плохие дороги, если бы это не было выгодно. Простой пример. Если хлеб хорошо выпечен — его будут покупать, если плохо — не будут. А здесь мы поставлены в такие

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Тульской области

условия, что хочешь-не хочешь, а дорогами будешь пользоваться. Я думаю, нужно приводить в действие экономические санкции, потому что дорожников часто пугает не столько уголовная ответственность, сколько экономическое наказание. Нужно бить рублем.

Деньги нельзя так носить — опасно

— Какое дело запомнилось вам наиболее за все годы вашей работы?

— Было очень много интересных дел. Уголовное дело в отношении министра культуры Саратовской области, например, министра сельского хозяйства. Были и забавные моменты в работе. Помню, еще в молодости я расследовала одно уголовное дело в отношении вора-рецидивиста. Пришла к нему в СИЗО в новом костюме, а в кармане — только что полученная зарплата. Он посмотрел на меня и сразу говорит: «Деньги нельзя так носить — опасно». Что сказать — карманник-профессионал со стажем. Помню еще жуткий случай, когда я впервые увидела труп — мужчину переехал трамвай, снесло полголовы. Был март месяц, мокрый снег. Мы приехали, попросили проверить — точно ли мертв. Сотрудник вернулся и протянул мне на ладони горстку мокрого снега с фрагментом мозга этого мужчины. «Смотри, вроде неживой?» — пошутил он. Я помню, что от растерянности я начала составлять тогда совсем другой протокол.

— Что самое главное в работе следователя?

— Любая профессия держится на фанатах. Если человек абсолютно предан своей профессии из него получится хороший следователь. Если нет — то все равно он уйдет из следственных органов рано или поздно. И мало у кого хватает мужества, понимая совершенную ошибку при выборе профессии, признаться в этом. Признаются единицы. И эти единицы набираются мужества для того, чтобы вовремя уйти. Сейчас многие критикуют и органы следствия, и милицию — и очевидно, что проблема-то основная именно в кадрах. Насколько достойные люди работают в той или иной профессии.

05 Сентября 2010

Адрес страницы: <https://tula.sledcom.ru/folder/879378/item/879379>